

Перстень Веневитинова

Василий Осокин. Перстень Веневитинова. *Этюды о художниках и писателях*
М., "Советская Россия", 1969
OCR Бычков М. Н.

Помещения художественного фонда Исторического музея в Москве переполнены старинными портретами и гравюрами. Проходишь мимо -- со стен смотрят улыбающиеся дамы и кавалеры в париках, надменные старцы с тонкими поджатыми губами и в расшитых галунами мундирах, виды неизвестных городов и домов, где происходили какие-то исторические события.

Хозяйка этой старины -- научный сотрудник музея М. Ю. Барановская -- знаток истории декабристов. Когда Издательство детской литературы готовило к печати книгу А. И. Гессена "Во глубине сибирских руд", подобрать иллюстрации к этой книге о декабристах и их женах покосили Барановскую.

- У нее на учете все захоронения и памятники декабристам. Она ревностно следит за их сохранностью. Иногда приходится присутствовать при торжественной и печальной церемонии перенесения праха с одного кладбища на другое.

И на этот раз дело касалось одной могилы.

-- Итак...

-- Итак, это не самоубийство!

-- Но кисти рук... Ведь они лежали не на груди, как того требует захоронение по обрядам православной церкви, а по бокам корпуса.

-- Кисти рук могли изменить положение от сотрясения почвы, осыпаний земли. Как-никак минуло сто с лишним лет!.. Но самое главное, что совершенно опровергает гипотезу о самоубийстве, так это тщательное, вдумчивое изучение его биографии, творчества. Нет, этот человек не мог поступить подобным образом!

Последнюю фразу она произнесла особенно убежденно. И глядя на прекрасный акварельный портрет юноши-поэта, Мария Юрьевна заметила:

-- Насколько я знаю иконографию, поэт был самым красивым из русских, да, пожалуй, и зарубежных писателей. Красоту и благородство его лица можно сравнить, пожалуй, только с Байроном. И подумать только, ему не было и двадцати двух лет!

В конце февраля 1825 года у дома Нарышкиных, в (Москве на Пречистенском бульваре, остановилось несколько легких повозок, крытых изнутри мехом. Приехавшие входили в дом, а лошади и повозки отправлялись во двор. В освещенных комнатах за шторами замелькали огни.

В тот вечер в доме Нарышкиных, глава "Северного общества" декабрист Кондратий Федорович Рылеев читал свои пламенные "Думы". Здесь был один из руководителей "Северного общества" Евгений Оболенский и друг Пушкина по лицу -- Иван Пущин. Среди гостей наладился и дальний родственник хозяина дома Михаила Нарышкина -- Александр Кошелев.

На другой же день он вместе с другом своим Иваном Киреевским возбужденно дергал ручку звонка у подъезда небольшого дворянского особняка в Кривоколенном переулке. Навстречу друзьям вышел стройный, изящно одетый двадцатилетний юноша с бледным лицом -- поэт Дмитрий Веневитинов. Здесь же к ним подошел Николай Рожалин, живший тогда в доме Веневитиновых.

Все четверо состояли в тайном, возникшем два года назад "Обществе Любомудрия" -- первом русском философском кружке. Они увлекались немецкой идеалистической философией, искусством, поэзией, боготворили Гете. Председателем общества был князь Владимир Одоевский. Общественных интересов он сторонился и в своем литературном творчестве увлекался мистицизмом. Секретарем общества был Дмитрий Веневитинов.

Кошелев взволнованно рассказал о собрании у Нарышкиных, и они весь день только и толковали, что "о политике и о том, что необходимо произвести в России перемену в образе правления".

Так писал много лет спустя в своих изданных за границей мемуарах Александр Кошелев.

К исходу ноября того же 1825 года в Москве стало известно о внезапной смерти в Таганроге Александра I.

Кошелев говорит, что в тот промежуток времени, то есть между получением известий о кончине императора Александра и о происшествии 14 декабря, они часто, почти ежедневно собирались у М. М. Нарышкина. У него сосредоточивались все доходящие до Москвы слухи и известия из Петербурга. Один